
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Институт искусств и культуры
Кафедра музеологии,
культурного и природного наследия

**МУЗЕЕВЕДЧЕСКОЕ
НАСЛЕДИЕ
СЕВЕРНОЙ АЗИИ:
ТРУДЫ МУЗЕЕВЕДОВ
XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА**

Издательство
Томского университета
2019

ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦИЯ, ПРОЧИТАННАЯ Д.А. КЛЕМЕНЦЕМ В КЯХТЕ

Дмитрий Александрович Клеменц (1848–1914), учился в Казанском, затем в Петербургском университете, но полного курса не окончил. Как участник народнического движения и один из руководителей партии «Земля и Воля» он был арестован и после 2-летнего тюремного заключения сослан в Сибирь. В группе ссыльных он был направлен в Минусинск, где сразу после прибытия стал работать в Минусинском городском музее под руководством Н.М. Мартыанова. Проявил большой интерес к музейной работе, проводил археологические раскопки, занимался геологическими сборами, участвовал в подготовке музейных каталогов. В 1890–1894 гг. Д.А. Клеменц занимал должность правителя дел Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, совершил несколько научных экспедиций по Сибири и Монголии, а собранные материалы передавал в сибирские музеи. Осенью 1892 г., возвращаясь из монгольской экспедиции, Клеменц сделал остановку в Кяхте, где в то время велась подготовка к открытию городского музея. Горячо поддерживая идею создания музея, Д.А. Клеменц прочитал публичную лекцию о роли музея в жизни общества и вскоре опубликовал ее в «Сибирском сборнике». Едва ли не первым в России он связал деятельность музеев, которые собирали и хранили различные памятники истории и культуры, с решением важных социальных задач, с тем, что необходимо развивать и совершенствовать в производстве и ремеслах, в организации повседневной жизни людей. На это было нацелено и данное им определение музея как «систематического собрания произведений природы или каких-либо

видов человеческого труда с целью наглядного и опытного изучения собранных предметов». По сути, основываясь на опыте музейной деятельности Н.М. Мартьянова, он предложил программу Кяхтинского музея, который, по его мнению, мог бы работать «во имя пользы государства, во имя интересов русской промышленности и русской науки». Он говорил и о том, что Кяхтинский музей смог бы послужить на пользу науке и будущим поколениям, ведь «по музею, как по живой книге, будут знакомиться с Китаем и Монголией русские люди и в потомстве будет обеспечена благодарная память его основателям».

Э.И. Черняк

М[илоствивые] г[осударь]и м[илоствивые] г[осударыни]!

В последнее время вопрос о местных музеях все более и более начинает интересоваться собою общество. О нем пишут в общераспространенных газетах, ему посвящают свое время ученые. Петербургское общество естествоиспытателей задалось мыслью составить программу для местных земских музеев. Ежегодно слышим мы об открытии новых музеев, постоянно приходится читать письма, иногда из дальних захолуствий, с вопросами, каким порядком открываются местные музеи, какие на это нужны денежные средства, будет ли полезно открытие музея в известной местности? Не менее горячее участие принимает в судьбе местных музеев и правительство. Известно, что многие основатели и руководители местных музеев получали награды и поощрения от правительства за свою деятельность. В недавнее время газеты известили, что вопрос о местных музеях решено рассмотреть законодательным порядком. Если верен газетный слух, предполагается дать земским музеям нормальный устав, обеспечить их субсидией до 2000 р[ублей] в год.

Чем объяснить такой всеобщий интерес к этим учреждениям, сравнительно весьма недавно возникшим на русской почве? Мода ли это, внезапно возникшее увлечение? Может быть, новость самих учреждений вызывает и питает преувеличенные надежды, возлагаемые на них? Может быть,

через два-три десятилетия надежды эти будут сданы в архив? Один из вернейших методов определить жизнеспособность какого-нибудь явления – рассмотреть его происхождение и историю. Моментальные увлечения и возникают моментально. Удовлетворив потребностям минуты, заняв собою на короткое время общество, они исчезают, заменяются другими эфемерными вопросами, не имеющими преемственной связи с первыми. Про такие явления мы можем сказать, что и они приносят свою долю пользы, но что на развитие их в будущем мало надежды и на них нельзя строить каких-либо обширных планов. Другое дело, когда мы видим, что какое-нибудь явление или зачатки его ведут начало с давних времен жизни общества, что оно растет вместе с обществом, приспосабливается к различным требованиям жизни, обнаруживает способность отвечать на разные вновь возникающие вопросы. Про такое явление мы можем сказать, что будущность его обеспечена.

Попробуем приложить этот способ оценки явлений к предмету нашей беседы. Вопрос можно бы решить в двух словах, определив, что такое музей. Музей есть систематическое собрание произведений природы или каких-либо видов человеческого труда с целью наглядного и опытного изучения собранных предметов. Это определение несколько обширно, под него подойдут ботанические сады, опытные фермы и т. д.; но в широком смысле [слова] это все музеи, только не с мертвыми, а с живыми предметами. Стало быть, музеи представляют собой орудие опытных наук. Никто не сомневается в том, что перед опытной наукой лежит громадное будущее и, стало быть, то же будущее предстоит и музеям; но такой способ заключения, несмотря на свою видимую простоту, недостаточно убедителен. Наука может пользоваться известным орудием, а потом заменить его другим и, как мы увидим, музеи нужны не для одних научных изысканий, а и для практической жизни. Как ни трудно это для меня, при моих недостаточных сведениях, но все-таки нам необходимо будет, хотя в самых общих чертах, коснуться истории музеев.

С давних времен люди стали собирать различные предметы, так или иначе казавшиеся им замечательными, –

одни поражали наблюдателя странной формой, необыкновенным видом, от других он ожидал получить пользу. Любознательность в человечестве проснулась еще в незапамятные времена. Из наиболее даровитых, восприимчивых и наблюдательных лиц и вышли первобытные лекари, знахари, заклинатели. Это были первые собиратели замечательных предметов. И теперь у каждого деревенского знахаря, вроде самарского Кузьмича, найдете вы своеобразную аптечку из сушеных трав, корешков и т. д. В давние времена еще люди этой категории обладали многими практическими знаниями свойств различных растений, продуктов животного царства, минералов. У Гомера уже мы видим упоминания о врачах, лечивших не заклинаниями, а лекарствами. В древней Индии и Египте при храмах было уже нечто вроде складов лекарств. В Греции врачи обучались своему делу при храмах Эскулапа. Были там уже и аптекари и дрогисты. Это не были, конечно, музеи в современном смысле слова. Если не в Греции, то в Индии и Египте знания, наука были привилегией замкнутого круга. Только жрецы занимались там наукой. Она считалась там достоянием немногих высших каст. Распространять науку в массе общества, как стараются это делать в наше время, в древней Индии и Египте считалось грехом. Это значило бы профанировать науку, по их мнению, низвести священное искусство на степень вульгарного занятия. И понятно почему: в ту пору всякий народ, особенно достигший некоторого развития, смотрел на себя как на народ привилегированный; соседи его, другие народы – существа низшие, достойные только быть рабами высоко даровитой расы.

Для инородцев уже и то большое снисхождение, что им позволяют жить. В пределах данного народа правоспособными считались только высшие касты. Не говоря уже о науке, относительно которой и до сих пор кое-где, среди бездарных тупиц и ученых ремесленников, сохранились кастовые взгляды; сама религия у некоторых древних народов считалась достоянием привилегированных каст. Низший член общества не смел молиться, даже не должен был знать, каким богам молятся его господа. У индусов только брамины и воины могли читать священные книги, ведь если б член низшей касты

как-нибудь подслушал, что читают высшие, – он поплатился бы жизнью. По закону ему за эту дерзость заливали уши расплавленным металлом. Общественные музеи, стало быть, и немислимы были в ту пору; но все-таки склады медикаментов, разных предметов природы уже в древние времена были необходимы для изучения некоторых наук.

В Греции у некоторых лиц были уже громадные коллекции естественноисторических предметов. Вспомним Аристотеля, которому его ученик Александр Великий присылал из своих дальних походов различные редкости, вспомним знаменитого греческого врача Гиппократу и ботаника Теофраста. Из дошедших до нас сочинений их видно, что эти натуралисты обладали обширными сведениями естественноисторических предметов, изучали и сравнивали их между собой, а это уже предполагает наличие систематических коллекций. Известно, что римский натуралист Плиний обладал обширными естественноисторическими коллекциями; но и здесь это было достоянием частного лица, богатого патриция-любителя, который не жалел средств на покупку вещей, его интересовавших; все это еще не было музеем

в строгом смысле слова. Самый термин – музей имел тогда несколько иное значение. Музей Александрийский, возникший при царях Птоломеях, был жилищем муз, богинь-покровительниц наук и искусств*. Это было скорее учено-литературное общество, нежели музей в нашем смысле слова.

В начале Средних веков наука замыкается в монастырях, наука становится исключительно книжной, наблюдение и изучение природы отодвигаются на второй план. Два народа в эту эпоху продолжают изучение природы – арабы и евреи. Первые перевели на свой язык большую часть сочинений древних классиков, занимались астрономией, медициной, химией и ботаникой. Их путешественники и географы сохранили нам сведения об отдаленнейших уголках мира, начиная от

* Автор повторяет укоренившееся с XIX в. неверное толкование термина музей как жилища муз. По новейшим данным, греческое слово *муза* (*муза*) означало речь, слова, искусство, поэзию (отсюда богинь, покровительниц искусств, именовали музами), а кроме того, образование, ученость, просвещенность, науку; как следствие, словом музей обозначается центр искусства и науки (каковую роль и играл в продолжение многих веков Александрийский музей).

экваториальной Африки и оканчивая нынешней Россией и Средней Азией. Сады лекарственных растений заводились у них; известно, что они были большие любители редких животных и птиц. Рассеянные по всему свету евреи были в Средние века врачами, химиками и drogистами. Нередко у католического аббата был врачом неверный жид. Если в эту пору мы еще не встречаем музеев, то опять-таки это весьма понятно – роль музеев служебная. Пренебрежение к изучению природы, забвение преданий натуралистов древности было тому причиной; но уже в конце Средних веков, в так называемую эпоху Возрождения наук и искусств, обстоятельства изменяются. Италия начинает особенно усердно изучать древних, проникается их духом и с особенной заботливостью начинает собирать памятники древнего творчества. В Риме, во дворце пап, в главных городах Италии собираются памятники древнего искусства, великие художники и поэты того времени, так, например, Леонардо да Винчи и Данте были и великими натуралистами своего времени.

Вообще же можно сказать, что начало и развитие музеев в Европе совпадают с эпохой великих открытий в географической науке и в изучении природы, эпоха эта – XVI, XVII и XVIII века. Моряки увидели за океанами новое небо и новую землю. Натуралисты и философы открывают новые горизонты в науке, и на старое, известное всем видимое небо образованные люди начинают смотреть уже другими глазами. В эту пору основываются академии наук и ученые общества в Европе. В университеты, схоластические средневековые университеты, начинает проникать естествознание – сначала как пособие при изучении медицины, а потом и как самостоятельный отдел философии.

У нас в России до Петра Великого трудно искать каких-нибудь зачатков изучения природы. Ученый человек того времени должен был знать Св[ященное] писание, из светских знаний допускалось изучение истории, преимущественно византийской, так как Византия была не только религиозным, но и политическим авторитетом для древней России. Изучение природы в глазах массы было делом предосудительным, оно смешивалось с колдовством и чернокнижием.

Врачи при дворах царей были из иностранцев. Насколько чужды были мы в ту пору современным волновавшим Европу вопросам, видно уже из того, что один из грамотеев после смутного времени, осуждая Марину Мнишек, говорил, что она была «иезовитка (иезуитка) люторка, кальвинка». Хорошо, значит, понимали в ту пору значение религиозных и политических партий, из-за которых лилась кровь в Европе. После падения названного царя Дмитрия и после окончания смутного времени многие удивлялись легковерию современников и затруднялись понять, каким образом неведомого авантюриста могли признать сыном Грозного, когда известно было, что подлинный Дмитрий умер. Недолго задумываясь, наши книжники отвечали: «сталось так», потому что «онный Гришка астрономии умел». Один из моралистов старой Руси в следующих словах характеризует мудрого человека: «Эллинских борзостей не текох, с мудрыми не бых, и Аристотеля не читах». При таких воззрениях, конечно, и разговора не могло быть об изучении природы. Редкие отдельные примеры, указы царей о собирании лекарственных трав, носят слишком узкий, утилитарный характер, чтобы можно было им придавать какое-нибудь общее значение.

Петр, которому до всего было дело и на все хватало времени, понимал, что для познания нашего Отечества и правильного пользования дарами природы необходимо иметь собрания предметов природы. Отсюда его указы по областям и провинциям о собирании «раритетов», об основании кунсткамеры, основание Академии наук и первые ученые экспедиции в Сибирь. Заботясь об изучении России, император сам был лучшим знатоком своего обширного государства. Чего только не знал о России Петр! Есть его указы, где он требует от сибирских воевод высылки к нему на показ инородцев – остяков самоецких*. Требовал он к себе и шаманов, которые «в бубны колотя, беснуются и в огонь мечутся, и в бесновании том вопрошают гуся медного, а гусь им отповедь дает, и иные мечты творят». Много ли было людей на свете в XVII столетии, которые обладали бы такими сведениями

* Следуя терминологии XVII–XVIII вв., автор говорит о сибирских народах, ныне известных как ханты, кеты, селькупы и др.

о северо-востоке Азии, какие мимоходом в этом указе обнаруживает Петр?

С легкой руки Петра дело изучения природы быстро привилось на Руси: бессмертные экспедиции прошлого столетия в южную Сибирь и на крайний Северо-Восток обогатили науку громадными открытиями, а музей Академии редкими коллекциями*. В середине XVIII века мы уже встречаем лиц, жертвующих громадные суммы на приобретение замечательных предметов, на собирание редких памятников и издание их. Кто не знает из нас имени графа Румянцева, создателя громадной библиотеки и музея, носящего его имя? Кому из нас неизвестна деятельность графа Шувалова?

* Имеются в виду научные экспедиции по Сибири XVIII в.

После основания университетов при каждом из них возникают как пособия при преподавании кабинеты и музеи. В первой половине текущего столетия здесь принадлежит выдающаяся роль старейшему университету Московскому и старейшему русскому ученому обществу натуралистов – Московскому обществу испытателей природы; но в последнее время, помимо него, помимо университетов, академий и высших учебных заведений, возникают целые ряды музеев и отдельных ученых обществ. Изучение России, сделавшее такие громадные шаги за последние тридцать лет, вызвало и основание целого ряда обширных специальных музеев: мы имеем теперь музеи археологические, этнографические, не говоря уже о музеях естественноисторических; но развитие прикладных знаний, [создание] специальных сельскохозяйственных, педагогических [музейных] учреждений у нас ничтожно по сравнению с тем, что мы видим в этом отношении за границей.

Кроме громадных, так сказать, мировых музеев, которые имеются в Лондоне, Париже, Вашингтоне, Берлине, Вене, возникают громадные учреждения этого рода по частной подписке, например Международный этнографический музей в Лейпциге. Эти музеи, где директорами и консерваторами служат ученые авторитеты, представляют замечательные хранилища сокровищ науки. Работая там, ученый может

осветить темные вопросы науки, создать новую теорию, не выходя из стен музея, описать флору или фауну отдаленного уголка мира; но современные требования науки не удовлетворяются и этим. Я приведу примеры из более известной мне области – доисторической археологии. Громадны коллекции по этой отрасли, хранящиеся, например, в Британском музее, но рядом с ним возникает целый ряд отдельных музеев, посвященных специально этой молодой отрасли наук. Чтобы показать, насколько интересуются этой отраслью, достаточно припомнить, что кремневые ножички, осколки, топоры, костяные шилья и стрелочки в обширных размерах подделываются. Это ясно указывает, что на вещи эти имеется большой спрос, что они представляют значительную рыночную ценность, так как подделка каменных орудий требует значительной затраты труда и умения. Торговля естественноисторическими предметами и коллекциями имеет обороты в сотни тысяч. Естественноисторические предметы имеют свою определенную цену, которая колеблется, как ценность бумаг на бирже. Жуки и бабочки из Забайкалья, растения и окаменелости из Сибири котируются на этой бирже. Натуралисты не хуже спекулянтов биржи следят за повышением и падением цен на бабочек, мух, клопов, жуков и т. д. Один немецкий натуралист нашел у нас в Астрахани гусеницу какой-то очень редкой бабочки. Он набрал их несколько сотен, снял квартиру для вывода бабочек и засыпал энтомологический рынок редким видом. Цена на бабочку сразу упала, фирмы, выписывавшие это насекомое из других мест, понесли убытки. Если какие-нибудь предметы становятся достоянием крупной торговли – это уж несомненный признак, что в них есть широко развитая потребность.

Я говорил до сих пор только о научных музеях, но ими не исчерпывается музейное дело за границей. Можно сказать, что нет какой-либо отрасли человеческой деятельности, сколько-нибудь значительной, которая не имела бы своего специального музея. Практическое направление нашего века не удовлетворяется знанием книжным; книга книгой, но описываемое в книге нужно видеть, осязать, исследовать. Жизнь требует от делового человека целого ряда фактических

знаний, которые без помощи музеев может дать только очень обширная и разносторонняя опытность, да и то в весьма недостаточной степени. Приведем примеры: известно, что, например, Франция питается главным образом привозным хлебом. Пшеница идет туда главным образом из России и Америки, но также из Австрии и в последнее время также из Австралии. Из одной России через Одесский порт идет до десяти различных сортов пшеницы, хлеб из других стран также представляет массу разновидностей; урожаи одного и того же сорта в разные годы неодинаковы. Какую опытность надобно иметь, чтобы разобраться во всех этих постоянно изменяющихся сортах? А уметь различать достоинства каждого, определить сорт муки, какой выйдет ее цвет, вкус, питательность – очень важно. За границей покупатель очень требователен насчет качества хлеба. Стоит пекарю закупить партию муки, которая в печении выйдет немного потемнее той, к которой привыкли его покупатели, и он потеряет заказчиков и, что всего хуже для репутации промышленника, заподозрит подделку. Существование музея хлебной торговли и лабораторий для испытания хлеба чрезвычайно облегчает дело: превосходно подобранные образцы не только зерна и муки, но и колосьев, отрубей, отсеков, образцов печеного хлеба, легкие и практичные приспособления для испытания достоинств зерна – все это дает возможность избежать промахов при покупке, а там, где торговое предприятие, дающее 7 или 8 процентов [прибыли], считается чрезвычайно выгодным, каждый промах грозит убытком. В хороших торговых музеях имеются не только готовые продукты, но и сырые материалы, из которых товар сделан, а также инструменты для обработки и сверх того – подделки, фальсификации настоящих товаров. Легко сообразить, какую пользу может принести для хозяина торгового дела или [его] доверенного собрание таких образцов. Сведения, которые он мог бы получить только путем горького и долгого опыта, риска и убытков, он тут может приобрести без особых издержек или, по крайней мере, ознакомиться с делом настолько, что не будет игрушкой в руках других. Еще большее значение имеют промышленно-технические и художественно-технические музеи. Все удивляются

необыкновенно тонкому вкусу и изяществу работ парижских ремесленников. Приписывают это природным способностям французов; я этого оспаривать не буду, но всего природными способностями одними достигнуть нельзя. Вы, например, закажете столяру мебель во вкусе эпохи Возрождения, другой – в готическом, и мастер, чтобы исполнить заказы, должен иметь хорошие образцы перед глазами. Не может же он создать готического или итальянского стиля из своей головы. Необходимо, судя о парижских мастерах, иметь в виду, что нигде нет таких прекрасных собраний художественно-ремесленных произведений, как там, нигде пользование ими не упрощено до такой степени. Есть там, кроме того, учреждение – консерватория искусств и ремесел. Это громадный ремесленно-технический музей, открытый и доступный для всякого. Чтобы пользование материалами, собранными в этом громадном музее, сделать возможно более разумным, систематичным и доступным, там ежегодно читаются целые курсы публичных лекций, примененных к уровню познаний и потребностям рабочих. Когда около двадцати лет тому назад мне довелось осматривать это превосходное учреждение,

** Так в тексте,
правильно – смекалистый.*

мне невольно пришло на мысль: что если бы у нашего смековатого* мужика-ремесленника было под рукой такое учреждение. Каких чудес ремесленного искусства наделал бы он.

Ведь он одним топором и долотом выделывает такие вещи, для которых иностранцу нужны целые наборы инструментов. По одной наглядке он усваивает себе самые сложные технические приемы. Я не буду говорить здесь о различных тонких работах, которые выделывает наш кустарь, ни о роскошной мебели в витринах дорогих магазинов, которая попала туда прямо из крестьянской мастерской. Есть факты более поразительные – оказывается, что кустари-крестьяне у себя выделывают физические инструменты, термометры и барометры и неплохие, так как у них массами забираются такие изделия оптическими инструментальными магазинами. Признаюсь, меня сильно поразил этот факт, когда я впервые узнал о нем из исследований русской кустарной промышленности. Работы по дереву,ковка железа и т. д. – это все такие занятия,

к которым наш мужик подготовлен уже своей обыденной жизнью, у нас каждый почти крестьянин – плотник; работа с долотом, стамеской или кузнечным молотом и напильником для него не невидаль какая-нибудь, но вот мы видим, что тот же пахарь разумно и ловко работает с хрупким стеклом, проделывает все манипуляции с ним, готовит инструменты для измерения тепла и давления воздуха. В последнее время обращено, впрочем, внимание на крестьянские ремесла, но весьма характерно для нашей цели: отправная точка этих попыток развить, улучшить и направить дело – все, заинтересованные этим вопросом, хлопочут об основании и развитии промышленных музеев, где собраны были бы образцы крестьянских производств, начиная от сырых продуктов, инструментов и оканчивая готовыми изделиями, затем – хорошие образчики подобных работ и серии подходящих инструментов, рисунков и моделей. Есть у нас уже несколько таких музеев, но их желают, находят нужным устраивать во всех местах, где развиты кустарные производства. Итак, если мы только пожелаем отдать себе отчет в каких-нибудь явлениях нашей жизни, найдем нужным приложить силы для улучшения и развития ее, нам тотчас же является необходимость представить себе нашу задачу наглядно при помощи специального музея. С тех пор, как лучшие учителя у нас и за границей задумались над улучшением воспитания детей, над тем, чтобы облегчить ребенку первые шаги на пути приобретения знаний, начинают возникать педагогические музеи и музеи учебных пособий. Посмотрите: у наших детей уже и игрушки совсем не те, которыми играли мы. Какой-нибудь конь на колесах для мальчика, кукла, одетая в невозможный костюм; в богатой семье – все это куплено за дорогую цену, конь обит шкурой, кукла с восковой головкой и париком; у менее зажиточных – те же предметы, но попроще – вот игрушки нашего детства. Девочки еще играли своими куклами со смыслом – шили им платья, шляпки, башмачки, а мы только неистово ломали, к ужасу родителей, наши игрушки – кони на другой день валялись без ног, а доска, на которой стоял этот зверь на колесах, превращалась в тележку, в которую запрягался дворовый щенок. Надоедали игрушки, потому что

смысла в них не было. Теперь купленные игрушки, кубики, принадлежности для клейки дети более берегут, потому что игрушки стали гораздо занимательнее, а всему этому обязаны мы изучением этого дела педагогами, педагогическим музеям и их влиянию на самый характер промышленности производства игрушек.

Недостаток времени не дает мне возможности остановиться на одном очень ярком сибирском явлении, которое служит наглядным примером того, как худо вести дело, не имея под руками соответствующего музея. Пятьдесят с лишком лет существует в Сибири золотопромышленность, и, как в начале, так и теперь, ведется она наугад, по преданиям, приметам, чуть ли не по шаманским наговорам. До сих пор в поисках золота, в разработке его и технике господствует «хаоса бытность довременна». Одни знать не хотят никаких новшеств и утверждают, что лучше старого ничего не придумать, другие пускают в ход собственные изобретения или набрасываются на американские способы, устраивают гидравлические машины в сухих логах. Примеры рациональной техники, которые встречаются кое-где, остаются без подражания. Енисейский золотопромышленник ничего не знает о россыпях забайкальских, олекминских и [даже] енисейских. Ни собрания пород, ни планов выработок, словом, никаких пособий для сравнительного изучения нет. Любый шурфовщик считает себя авторитетом в деле поисков золота. И выходит, благодаря этому, что поиски считаются и теперь таким же рискованным делом, как и пятьдесят, шестьдесят лет тому назад. Много можно бы сказать на тему о золотопромышленном музее; но я могу здесь только сделать намеки на этот вопрос.

Мне предстоит теперь перейти к моей главной задаче – местным музеям. Казалось бы, что развитие музеев общенаучных, специальных и прикладных в состоянии удовлетворить насущным надобностям науки и жизни, но она требует большего. Ученые устраивают периодические съезды, собственно, для того, чтобы меняться мыслями о насущных задачах науки, о вопросах, которые стоят на очереди, о своих работах. Съезды эти, с одной стороны, приняли чуть ли

не всесветный характер, с другой – сильно специализировались. Науки так обширны, в пределах каждой из них такая масса вопросов, что каждая из них нуждается в особых съездах. И вот собираются всемирные съезды географические, антропологические, зоологические и т. д. Не прихотью вызвана эта специализация, а необходимостью: научная работа в каждой отрасли знания настолько растет, вопросы настолько разнообразятся, что нужны особые совещания, чтобы ориентироваться среди них. И этих съездов, однако, недостаточно: современные научные вопросы требуют для своего решения массы наблюдений, громадных материалов, чувствуется потребность привлечь к собранию этих материалов не одних специалистов, так как их не хватит, а и вообще образованных любознательных людей. Успех некоторых наук прямо зависит от количества наблюдений. Всего яснее это видно по науке о погоде, метеорологии, имеющей такое важное значение для жизни человека и земледелия. Без преувеличения можно сказать, что ценность и прочность ее выводов о климате страны прямо возрастает с каждой новой станцией, с каждым новым наблюдением градусника. Только грубый, самодовольный и узкий педантизм может говорить – устройте хорошенько съезды ученых, и все пойдет, как следует, больше ничего и не нужно. Для людей более широкого понимания этого недостаточно: в сколько-нибудь обширной стране нужно иметь агентов, работников в разных захолустьях, в дальних уголках, нужны местные собиратели материалов. Где они есть, их нужно привлечь к делу, где нет, нужно подготовить их. Изучение страны посредством поездок и экспедиций ученых становится недостаточным – не кратковременные наблюдения проездом и мимоходом, а исследования на месте, стационарные, все более и более выдвигаются на первый план. Все эти современные требования науки уже невольно наводят на мысль об основании провинциальных обществ любителей наук, а где для этого нет достаточных сил и средств, то хотя бы местных складов научных предметов.

Помимо этих общих условий развития науки, вопрос о местных музеях выдвигается на первый план и самой местной провинциальной жизнью, и ее запросами. В столицах

кипит жизнь – научная и практическая. Живете ли вы там постоянно или же только приехали туда для отдыха или по делу – вы окружены массой самых разнообразных впечатлений. Интересуетесь вы каким-нибудь научным вопросом или техническим – музеи, библиотеки, публичные лекции, совещания со специалистами, бюро для справок к вашим услугам. Отдых и развлечения ваши вы можете разнообразить в очень значительной степени. Наконец, вы не расположены ни слушать оперу, ни смотреть новую пьесу, гуляния, другие увеселения также не манят вас, вам просто хотелось бы новых лиц, нового общества, так как старое уже примелькалось. И это вы можете устроить себе в большом городе. Наконец, просто на улице, из ежедневной городской хроники, из простых, на лету слышанных разговоров схватите вы целый ряд впечатлений, которые хотя бы временно займут вас. Не то у нас в провинции. Жизнь наша очень однообразна, одни и те же впечатления повторяются из года в год, изо дня в день. В столице занимательно быть просто зрителем чужой работы, потому что работа широкая, захватывающая, интересы крупные, важные. Нам смотреть не на что, да и невозможно, если мы будем смотреть на работу других, то и работать будет некому. Развлечения наши крайне однообразны: отправляясь, например, на охоту или любительский спектакль, мы уже вперед знаем, что будет. Знаем, что такой-то будет горячиться на охоте, наделает кучу промахов, другой только ради вида взял с собой ружье и целый день просидит на таборе. Только с детства всосанная нами инстинктивная любовь к жизни среди природы да охотничья страсть, при которой каждый выстрел по рябчику представляет свой особый новый интерес, и поддерживают это развлечение. В любительском спектакле мы наперед уже знаем, кто и как проведет свою роль. Если говорить правду, то гораздо больше развлечения доставляют хлопоты о спектакле, сборы, репетиции. Это дает повод видаться друг с другом по интересному для всех поводу. Некоторые находят себе работу, посвящая свои силы городскому хозяйству; но это доступно немногим. Для того, чтобы найти интерес в этом деле, нужно хорошо знать свой край, а изучения-то его и нет у нас! Очень часто от провинциальной

скуки рекомендуют универсальное средство – чтение. Легко сказать – чтение: но попробуйте-ка наполнить им весь ваш досуг. Для этого нужна особая охота, привычка жить в мире книг. Кабинетные привычки не многим даются, большинству нужны живые впечатления вперемежку с книгой. Чтение чтению опять-таки рознь! Все, что нам приходится читать о текущих делах, о направлении работ в руководящих сферах, происходит так далеко от нас, что имеет только интерес исторического факта. Мы часто не можем уразуметь ни внутренних мотивов известных действий, ни внешних причин, их вызвавших. Прочтем в запоздалой газете какое-нибудь утешительное известие – скажем: слава Богу, что людям хорошо живется. Придет известие горестное – пожалеем, но так как все это далеко, далеко от нас, пособить, принять участие почти нет возможности, то чтение и останется одним чтением. Чтение, чтобы наполнить жизнь человека, должно превратиться в занятие, так бесцельное и непрерывное странствие по печатному слову имеет и свою обратную сторону. Примеры этому я в провинции видывал. Читает человек с утра до вечера, читает массу всякой всячины и живет в мире своих книг, в мире далекого от того, что его окружает. Он с волнением передает подробности о размолвке «железного канцлера» с императором Вильгельмом, его живо интересуют и колониальные распри европейцев в Африке, и Тройственный союз, а спросим, что у вас делается. Да что у нас? У нас спячка, я, признаться за этим не слежу, т. е. все взоры мои обращены в прекрасную даль, к широким мировым вопросам, и дела мне нет до муравьиной работы. Это презрительное отношение к окружающей среде, отношение к ней сверху вниз – очень нежелательное явление. Как бы бедна ни была жизнь наша содержанием – она все-таки частица общечеловеческой жизни. Неужели же нашей провинции нет места в общечеловеческой работе, неужели нам дома у себя и делать нечего? Неужели, если у нас нет широкой общественной деятельности, то нельзя найти скромной, культурной, общепользуемой работы? Есть лица, не одни зачитавшиеся провинциальные книжники, которые думают так; недавно еще один авторитетный по своей части голос безапелляционно заявил, что

умственная жизнь в провинции возможна только при университетах. Что всякие попытки, какие были сделаны до сих пор ради развития научных учреждений в провинции, обречены на бесплодное вымирание. Этот грозный приговор произнесен над нами недавно в Москве профессором Мензбиром и отпечатан на страницах «Русской мысли», и я вчера только прочел его здесь, в Кяхте. Я не буду теперь занимать вас разбором мнений московского орнитолога, да, признаться, для провинциалов, особенно для нас, обитателей Сибири, такие приговоры не новость. Если не в печати, то словесно нам немало приходилось выслушивать подобных «комплиментов». Придет сибиряк в столицу – ему и теперь еще задают вопросы о медведях, ходящих по улицам, о лютых морозах, о пожирании сырой рыбы; теперь еще характеризуют нашу жизнь тем же чертами, которыми очертил ее шведский путешественник двести лет тому назад. Справедлива ли эта характеристика, здесь разбирать не стоит. Припомню лучше спор о значении провинций, бывший и кончившийся всего лет шесть тому назад в русской периодической литературе между двумя почтенными деятелями и знатоками русской провинциальной жизни г[осподами] Гацисским и Мордовцевым. Имя Даниила Лукича Мордовцева достаточно известно, чтобы распространяться о нем, имя же Гацисского известно гораздо меньше, чем оно того заслуживает. Это почтенный нижегородский труженик, работающий уже не один десяток лет и в качестве статистика, и в качестве практического деятеля, и в качестве собирателя разнообразнейших материалов по изучению своего края – достойный пример и образец для подражания всем нам, чья жизнь так или иначе связана с провинцией.

В очень горькой статье Мордовцев как-то расписал самими мрачными чертами сонную жизнь наших захолустьев и обрек ее на совершенное бессилие. Хотя эта статья во многом прямо относилась к деятельности Гацисского, но он не отвечал на нее. Многими уже забылась статья Мордовцева; но вот в 1887 году появляется новая статья этого же автора под знаменательным заглавием «Жизнь, жизнь провинции!».

С жаром, искренностью и остроумием, свойственными этому писателю, рассказывает он историю своего обращения

и торжественно отрекается от своего приговора провинции. «Гацисский не отвечал мне, – пишет Мордовцев, – а вместо этого ежегодно присылал мне то какие-нибудь провинциальные издания, то отчеты о деятельности провинциальных учреждений и имел жестокость еще делать на них собственноручную надпись – многоуважаемому Даниилу Лукичу Мордовцеву от такого-то. Читал, читал я эти книги, и волей-неволей рассеивалось мое прежнее неверие, и теперь я должен воскликнуть: ты победил, галилеянин, из провинции. Жизнь, жизнь провинции». Так заканчивает свою статью Мордовцев*.

Этот полузабытый инцидент представляет одно из светлых явлений нашей литературы по чистоте и искренности отношения писателя к затронутому им вопросу. Думать надобно все-таки, что не один пример Гацисского, а и вообще подъем самодеятельности провинции, особое внимание, обращенное на провинциальную жизнь мыслящими слоями русского общества, имели такое решающее влияние на воззрения одного из наших выдающихся писателей.

В двух странах в новейшее время выдвинулся на первый план провинциальный вопрос – в нашем отечестве и во Франции. И по весьма понятным причинам: слишком велика и там, и здесь разница в положении обитателей столиц и деревенских захолустьев:

«В столицах шум, гремят витии, / Кипит словесная война! / А там, во глубине России, / Там вековая тишина», – писал еще 30 лет тому назад Некрасов, и с тех пор наша столичная интеллигенция не ниже европейской, ее идеалы, понимание вопросов не ниже общеевропейских, между тем, как большинство народа, лишенное благ цивилизации, живет своею стародавней жизнью. Во Франции то же явление. Париж – столица мировой интеллигенции, передовой отряд европейской цивилизации, к голосу которого прислушиваются образованные люди обоих полушарий, а масса деревенского населения дика до полного безграмотства**. Страшный погром прусского

* Статьи

Д.Л. Мордовцева у меня нет под руками, а потому я могу ручаться только за смысл, а не за подлинную точность выражений автора (прим. автора).

** Так в тексте, правильное – безграмотности.

нашествия показал, что в трудных обстоятельствах между высокопросвещенной столицей и первобытной провинцией нет взаимного понимания. Самый патриотизм французского крестьянина был не похож на патриотизм крупных центров. Понятно, что новое правительство, после горького урока, должно было все силы употребить на развитие образования в народе. Школы, публичные лекции, громадная литература популярных книг были результатом этих стараний; но скоро оказалось, что одних этих пособий недостаточно. Книга достаточна для отдельного человека, для школы, но, если мы хотим влиять на разумение взрослых людей, на развитие целого народа, нужны факты другого рода, нужна наглядность, нужно дать что-нибудь осязательное и притом близкое к интересам его. Так возникла мысль об основании местных музеев во Франции. Желая влиять на образование крестьянина, нужно, прежде всего, обратить внимание на то, что его окружает, на свою местность. Так и смотрел на дело главный инициатор местных французских музеев, адвокат и ученый Гру. Мысль свою о местных учреждениях вроде музеев как о средстве народнообразовательном он развивал еще покойному Гамбетте. Громадный практический ум государственного человека сразу постиг все благотворное влияние новых начинаний, и он поощрил и одобрил мысль Гру.

Движение это во Франции началось в 1876 году в Лизере, на родине Гру. Здесь его стараниями был основан местный музей, в том же году основан был Дюпоном, товарищем Гру, новый местный музей в Мезидоне. Как и всегда бывает, новое дело было встречено скептически. Что за затея – музей в маленьком городке, кому он нужен, кто станет им пользоваться, кто будет разбирать коллекции? Оказалось, что для выполнения этого начала нужны были только добрая воля и вера в свое дело. У тех же обывателей, которые боялись за музей, нашлось немало предметов, годных для него. Выставленные вместе, систематически расположенные, они привели в восторг публику. Публика и не ожидала, что в разрозненном виде, у случайных владельцев, у нее самой имеется так много поучительного. Действительно, десяток шуфов минералов, древняя вещица, альбом, где есть два-три местных

вида, пока они стоят одиноко в квартирах любителей или случайных владельцев, они напоминают интересную книгу, разорванную по листкам, и не оставляют цельного впечатления; когда те же самые предметы собраны вместе, соединены в однородные группы, когда приложено старание выставить на вид их поучительные стороны – впечатление получается совсем другое, неожиданное. Пример подобного испытал и я сам; в 1887 году, по мысли энергичного Петра Ивановича Макушина¹, мне пришлось принять участие в устройстве этнографической выставки в Томске. Затеяно дело было великим постом, а к Пасхе выставка была уже готова. Было время распутицы, выписать, достать что-либо от иногородних не было возможности. Все, что было на выставке, собралось в том же Томске, у местных обывателей и любителей, и однако же публика посещала выставку, посещала за плату и усердно в течение целой недели. Правда, здесь много помогали интересные объяснения библиотекаря университета г[осподина] Кузнецова² и его личные богатые коллекции, но все-таки публика никак не ожидала, что из тех вещей, которые находились в Томске, в разных домах, можно составить такую поучительную картину, но вернемся к местным французским музеям.

Сборы растений, насекомых, минералов, производимые не учеными, конечно, которых не было в маленьких городках, а фармацевтами, учителями, купцами, школьниками дали самим местным жителям совершенно новое представление о своей местности. Собрались предметы; новая забота – определять, изучать их. С этим горем справились скоро. Французские ученые, как только слышали, что в Лизере собираются коллекции, сразу принялись за их обработку. Мало того, посыпались заказы в маленькие музеи – нельзя ли собрать то и другое? Хорошо изучена Франция – слов нет: ее ученые искрестили ее вдоль и поперек, но многие вещи из местных музеев оказались новостью и для ученых. Таким образом, учреждение, имевшее вначале задачу чисто педагогическую – дать умственную работу захолустью, стало источником для расширения знаний, дало работу ученым. Не осталось без влияния и на промышленную жизнь провинции

открытие музеев. Оказалось, что залежи некоторых минералов, на которые никто не обращал внимания, – превосходный материал для удобрения. В другом месте найдены растения, которые оказались пригодными для красильного дела; но всех примеров не перечесть.

Музейное дело было встречено сочувственно французским правительством, бедным музеям выдавалась казенная субсидия. С 1880 года Гру начал издавать свои ежегодники музеев, так как дело росло. В настоящее время, по сведениям, может быть, несколько устарелым, во Франции 87 музеев местных, не считая парижских по округам и, конечно, не считая музеев центральных академических.

Общий характер местных французских музеев таков: в музее имеются коллекции естественноисторические, он также собирает произведения местной промышленности. Далее идут памятники местной старины в подлинниках, снимках, моделях и фотографиях, рукописи и документы, касающиеся истории края. Все это в простых витринах на полочках. Не блещут эти коллекции ни особенным обилием, ни красотой. Привыкший к музеям-дворцам, с громадным штатом служащих посетитель на первый взгляд разочаровывается, вступая в скромный местный музей, но вот он присматривается к одному, к другому предмету, прислушивается к объяснениям, и невольно начинает его тянуть к этим местным труженикам, невольно возрастает его интерес к маленькому делу, и он выходит из музея, как бы породнившись с ними. И, странное дело, у него остается какое-то теплое чувство спокойного удовлетворения, какого он не испытывал, посещая великие музеи. Там его подавляло все необыкновенной грандиозностью. Он чувствовал осязательно всю необъятность человеческого знания и все свое ничтожество перед ним. Вот стоят египетские саркофаги, над описанием которых трудятся уже десятки лет специалисты, вот громадный шкаф с насекомыми из Бразилии – над обработкой его трудились ученые всей Европы. Перед посетителем громадный мир, которого обнять одному человеку нет возможности. Почтенные специалисты, знатоки дела, по книгам которых он учился, знания которых он так привык ценить, и те теряются среди этих

богатств, каждый из них доведет посетителя только до порога той комнаты, в которой он работает, – дальше и для него, как и для любознательного гостя, начинается чуждый мир. Невольно думаешь: что мне здесь делать, где крупный ученый только скромный труженик. Здесь годы тратятся на изучение содержимого трех-четырёх витрин. Совсем иначе чувствует себя простой, любознательный посетитель, неспециалист-ученый, выходя из маленького местного музея: он сознает, что маленький уголок Франции он узнал так, как не узнал бы его в 10 лет. Он чувствует, что и у себя дома можно сделать нечто подобное, что можно любить свой уголок не только по одной привычке, не потому только, что с ним связаны дорогие воспоминания, а потому еще, что, сверх всякого ожидания, этот уголок очень интересен.

Особое оживление бывает в местных музеях в годовщину оснований их. Устраивается общее собрание, читается годовой отчет, осматриваются новые коллекции, и всякий видит, что дело идет в гору. Кто-нибудь из членов местного комитета при музее читает речь, посвященную воспоминаниям из истории города или местности или же из жизни местной природы, читаются поздравительные телеграммы от разных учреждений, и все заканчивается или общей прогулкой, или банкетом. Банкет – это слишком громкое название для скромного товарищеского обеда, где нет иного вина, кроме своего, местного, трапеза отличается умеренностью и простотой, но главное ее украшение – живая добрая беседа людей, уверенных, что они делают доброе дело.

Что касается организации музеев, то около них состоит обыкновенно комитет из пяти лиц, чаще всего членов думы или учебного ведомства. Город дает от себя помещение, комитет нанимает сторожа, который метет и открывает по праздникам музей для публики. При некоторых из музеев начинают формироваться общества для изучения своего края. В обращениях к публике в своих брошюрах Гру и его сотрудники теперь уже держатся твердого тона; о пользе музеев они почти уже не говорят, считая вопрос бесповоротно решенным. В ответ на приветствия разных городских советов и поздравления, вместо благодарностей и комплиментов,

Гру пишет: *assez des paroles, des actes messieurs!* Вы поздравляете нас, спасибо! Но почему вы сами у себя не заводите своих музеев. Нет у вас, что ли, нескольких сот франков на дешевые витрины, нет денег на сторожа! Или патриотизма не хватает? Вера в пользу дела создала самое дело, оно вошло уже в жизнь и дало право поборникам его говорить о нем, как о совершившемся факте, как о признанном жизненном явлении.

Скромная работа Гру и его единомышленников не осталась незамеченной крупными центрами умственной жизни. Большая золотая медаль Министерства народного просвещения на выставке в Париже, целый ряд почетных отзывов ученых, французских и заграничных, были наградой деятелей во Франции.

В нашем Отечестве дело местных музеев возникло почти одновременно с Францией, совершенно независимо от первой, так как у нас нужда в них даже более настоятельная, нежели во Франции. Мы уже говорили об однообразии и бедоносности провинциальной жизни. Француз, образованный человек или просто желающий запастись новыми впечатлениями, освежиться, может сесть на железную дорогу, продремать несколько часов в вагоне и к утру – он в столице мира. У нас расстояния приковывают человека к месту. Богатые люди и пользующиеся досугом, и те могут позволять себе поездки в столицу лишь изредка. Нужна умственная жизнь какая-нибудь на месте. Франция – небольшая страна, и она изучена довольно хорошо. Природные ресурсы ее известны, но и там остается дела немало на долю местных музеев. Что же сказать о нашем обширном Отечестве? У нас природные дары лежат, попираемые ногами. Давно ли открыты богатейшие залежи ртутной руды в Бахмутском уезде? Давно ли открыты залежи серы в Тетюшском уезде, под боком почти у Казанского университета! Нельзя винить наши центральные ученые общества за пробелы в исследованиях России. Слишком велика наша территория по сравнению с научными силами центров. Отдаленная наша окраина в этом отношении стоит, конечно, еще в худших условиях. Научные разыскания здесь требуют, кроме громадных издержек для приезжих,

еще большего мужества, готовности и умения переносить лишения скитальческой жизни. Да, чтобы уж сказать все сразу, невозможно путем кратковременных экспедиций с длинным маршрутом изучить обширную страну. Таким путем можно уловить только общие, характерные стороны данной страны, а не местные особенности каждого ее уголка; между тем, где дело идет о практических и промышленных вопросах – все дело в подробном знании местности. От недостатка исследований отдельных местностей страдает наука, а еще более местные обыватели. Сколько теряется заработка, сколько промыслов не развивается у нас благодаря недостаточному знанию местностей! Сознали давно это лучшие люди в провинции, и вот начинают возникать местные музеи в Твери, в Вятке, Петрозаводске, Уфе, возникает музей при Петровском обществе в Астрахани и других местах.

Было бы очень утомительно и бесцельно останавливать ваше внимание на истории музеев Европейской России, когда у нас, недалеко, в Сибири, мы имеем блестящие примеры развития музейного дела, примеры, более подходящие к условиям нашей жизни, а стало быть, и более поучительные.

Вы ожидаете, вероятно, что я буду говорить о музее Минусинском и о деятельности Николая Михайловича Мартянова. Действительно, говоря о местных музеях, нельзя обойти ни этого города, ни этого имени. Минусинский музей – старейший из местных музеев и самый богатый: из 57 тысяч предметов, хранящихся в восточносибирских музеях, 28 тысяч, более половины, лежит в Минусинском музее; но я смотрю на деятельность г[осподина] Мартянова несколько иначе, нежели остальная публика. Обыкновенно представляют себе дело так, что музей этот – дело рук, необыкновенных способностей и энергии г[осподина] Мартянова. Я не желаю нисколько умалять заслуг и способностей моего близкого личного друга, с которым мы жили, думали вместе и работали целых 6 лет. Велика его энергия, но и она не привела бы ни к чему, если б его дело было только его личным делом; не встретил бы он ни преемников, ни подражателей, не отнеслись бы так горячо к его делу в разных концах Сибири. Музей этот, как бы хорош он ни был, остался бы одинокой

интересной попыткой оригинального человека и только. Натуралист по призванию и по образованию, явившись в Минусинск, Мартьянов занялся успешно сбором различных коллекций. Мелькала у него мысль об устройстве музея в Минусинске, но было страшно заявить о таком новом деле. После первых переговоров с близкими лицами, он встретил такую массу возражений и охлаждающих замечаний, что хотел оставить коллекции у себя и посылать некоторые из них для определения в столицы. Насколько нова была идея местного музея для самого Мартьянова, видно из того, что в первое время он и не думал собирать археологические минусинские коллекции, которые привлекают к нему до сих пор всеобщее внимание. Первого сторонника своей мысли г[осподин] Мартьянов нашел не среди местной интеллигенции, которая привыкла судить по готовым образцам, идти по проторенным дорогам. Поддержал его городской голова Гусев, человек хотя не образованный, но смелый и энергичный, новатор по натуре. Он провел в [городской] думе вопрос об открытии музея. Но как открывать было его, когда нет в кармане ни гроша денег, нет самой простой мебели? Здесь опять-таки помог Гусев, на его деньги сооружены шкафы, и в двух комнатках разместился местный музей. Это было в 1877 году; всего 1362 предмета со всеми натяжками насчиталось в музее; но и это скромное начало было как факт гораздо внушительнее всяких рассуждений.

** Так в тексте,
правильнее – находясь.*

Самоотверженно работал Мартьянов, но нашлись у него и самоотверженные помощники. Ходя* в поисковой партии, молодой золото-промышленник, вместе с торбой с сухарями, нес за плечами мешочек с породами для музея. Таким образом получены были породы с реки Кантигир, где ни прежде, ни после, до настоящего времени, еще не бывала нога путешественника. У одного богатого любителя собралась коллекция древностей – он ее жертвует в музей. Эта небольшая коллекция и послужила основой археологического отдела, доставившего такую громкую известность всему музею. В 1880 году появился напечатанный на пожертвованные средства первый каталог музея. Генерал-губернатор Анучин, губернатор Лохвицкий

отнеслись очень сочувственно к новому предприятию. Кроме того, в первые годы существования и до последнего времени Минусинский музей деятельно поддерживала местная пресса. Немало совершенно безвестных, но бескорыстных и полезных работников поддерживали музей своими трудами. Ими составлены книги, выпущенные от имени музея, которыми он справедливо гордится. Этим доказывалось, что местный музей действительно одно из пригоднейших учреждений для изучения местности, особенно в таком крае, как наша Сибирь. Пригоден он тем, что нагляден, пригоден тем, что дает возможность начать работу при сравнительно малых средствах. В чем же секрет деятельности Мартьянова, почему удалось ему поставить дело, первый начин которого казался столь трудным. Многие приписывают все его личным качествам и умению привлекать людей. Разумеется, очень многие помогали музею только ради Мартьянова; но многие работали сознательно, ради дела. Лица, приписывающие весь успех обаянию личности основателя музея, не поняли главной заслуги его – чрезвычайно разумной системы действий, которую можно рекомендовать как руководство и образец.

Первое правило, за которое Мартьянов нес иногда несправедливые нарекания, – пользоваться всяким человеком, обнаруживающим склонность быть полезным музею. Ни различия в образовании, ни в общественном положении не мешали Мартьянову пользоваться человеком, раз он, по его мнению, мог что-нибудь сделать для музея, – золотопромышленник, учитель, простой рыбак, охотник, крестьянин, всеми он умел и считал нужным пользоваться; музей не был его личным или только городским делом, а делом всех сочувствующих и могущих быть полезными. Если б Минусинский музей был разборчивой невестой, браковал бы одних сотрудников за недостаточное образование, других – за низкое положение в обществе, замкнулся бы в ограниченном кружке – ничего бы не вышло из работы Мартьянова. Некоторые местные музеи, основанные впоследствии при более крупных средствах и более благоприятных условиях, прозябали и развивались черепашным шагом, благодаря тому, что смотрели на музей как на кружковое дело.

Второе правило – пользуясь всеми, Мартьянов старался быть полезным всем. Нужно ли кому выписать книгу, узнать, есть ли в этом камне серебро или золото, определить растение – он не отказывался. Чего не мог сделать сам, обращался к другим, посылал в Петербург, Москву – музей старался быть справочной конторой для всех.

Третье – он не спал со своими коллекциями. Находилось что-либо интересное, он посылал в столицы, за границу, и благодаря ему не один ученый труд о Сибири был выпущен за границей, была, по его инициативе, снаряжена целая экспедиция для исследования окаменелостей около села Бейского. В России носились еще только неопределенные слухи о Минусинском музее, а в Вене жена известного миколога, покойного барона Тюмена, уже писала о нем статьи в газетах. По последним отчетам, музей находится в сношениях, кроме обществ и ученых русских, с французскими, шведскими, немецкими, швейцарскими, итальянскими. Важность такого способа действий ясна сама собой; но им очень часто пренебрегают и чем учение консерватор, тем чаще. Сам, дескать, займусь, обработаю. При разносторонних своих познаниях Мартьянов мог бы более многих других претендовать на право личной разработки коллекций; но он поступался и своей ученой славой, и даже самими коллекциями ради привлечения сотрудников-специалистов.

Четвертое правило – брать и составлять всякие коллекции, какие можно. Часто слышим мы: эти коллекции не подходят под нашу программу, эти коллекции мало поучительны, нам их не надобно. В таком деле, как местный музей, программа должна сообразоваться с опытом; непоучительная, ненужная, на первый взгляд, коллекция, может быть продана, обменена. Лицо, вначале доставлявшее только хлам, поощренное и наученное, может стать дельным коллектором.

Несмотря на то, что положение музея уже упрочилось, лет пять тому назад он был в затруднительном положении. Коллекции начали давить помещение, нужно было новое; нужна была масса книг ученых для работ при музее. Здесь опять явилось на выручку общество. Часть денег собралась на месте, большую половину дал И.М. Сибиряков³,

и у музея – прекрасное помещение, красивый зал и хорошая библиотека.

Добрый почин Мартьянова не остался без подражания. Возник музей в Семипалатинске, стараниями секретаря ст[атистического] комитета Маковецкого, потом – в Енисейске. Оказалось, что устраивать музеи везде возможно и полезно. Самым же [убедительным] примером в этом случае может послужить музей ачинский; главным работником в нем был не ученый, как Мартьянов, а просто воспитанник Красноярской учительской семинарии Д.С. Каргополов⁴, уроженец Минусинского округа, горячий почитатель Мартьянова. При своих ограниченных сведениях, при скромном положении смотрителя городского училища, он, при сочувствии общества, сумел сделать небольшой, но полезный музей. Две комнатки, в которых он помещается, были заняты дельным материалом. Помню я с большой пользой и удовольствием просидел в нем два дня, рассматривая горные породы и почвы Ачинского округа. Небольшая коллекция девонских рыбок, отосланная из этого музея в [Российскую] академию, послужила полезным подспорьем для д[окто]ра Рогона в его палеоихтиологических трудах. Пример Каргополова достаточно показывает, что главное здесь – вера в дело и любовь к нему, что полезен и интересен материал, собранный неспециалистом, если он собран аккуратно. А в собирателях и сотрудниках и у Каргополова не было недостатка, – помогать начали и ему, начиная от мальчиков-школьников и оканчивая местным исправником. Если теперь, после отъезда Каргополова, об Ачинском музее мало слышно, то подобному явлению удивляться нечего: и в крупных учреждениях бывают периоды застоя в деятельности, но периоды могут сменяться более оживленными, лишь бы только само учреждение существовало.

В Енисейске основан музей в 1884 году, в [18]86-м – Красноярский и Нерчинский, в [18]87-м – Тобольский, и, наконец, в [18]90 году в далеком Якутске основан при статистическом комитете местный музей. Из них по своей энергичной деятельности выдаются музеи Нерчинский и Тобольский, хотя положение их крайне различно.

Нерчинский, имеющий уже около 10090 предметов, поддерживается думой и небольшим местным кружком. Тобольский – особым комитетом, председателем которого состоит губернатор. Пример этот показывает, что может сделать благожелательный администратор на пользу просвещения края. Музей этот начался с того, что для него выстроен был дом – с этого ни один сибирский музей не начинался. Задача – иметь свое приспособленное помещение – неразрешима для многих из них, до сих пор свои дома имеют только минусинский и тобольский. Строится помещение для красноярского музея, на которое жена товарища городского головы, одного из основателей музея, пожертвовала 23000 р[ублей] с[еребром]. Заявили себя научными изданиями три сибирских музея – минусинский, тобольский и якутский. Объяснения коллекций производились во всех музеях. Многие, как минусинский, красноярский, якутский и енисейский, производили научные экскурсии. Из них выдается громадная экскурсия А.И. Кытманова⁵ к устью Енисея, давшая богатые материалы, которыми он любезно поделился с Восточно-Сибирским отделом [Императорского Русского географического общества].

Из сказанного вы видите, что большинство наших сибирских музеев возникло по частной инициативе при помощи городских обществ. Это одно из доказательств зрелости и понимания своих обязанностей сибирскими городскими обществами. Музеи были встречены сочувственно высшей властью. Она первая поощрила труды работников. Первая золотая медаль Мартьянову была всемиловитейше пожалована государем императором.

Все мы видели и помним, с каким вниманием и интересом знакомился государь наследник с местными музеями.

Пожертвования денежные, награды основателям музея и, наконец, принятие под свое покровительство музея тобольского – вот чем выразилось отношение высокого путешественника к местным музеям*.

Я уже говорил в начале своей лекции, что, по слухам, вопрос о земских музеях, их нормальном уставе и бюджете их обратил на

* Имеется в виду путешествие по России наследника престола Николая Александровича (Романова) в 1891 г., во время которого он обязательно посещал и осматривал сибирские музеи.

себя внимание высших сфер. Нельзя не пожелать скорейшего решения этих вопросов. Действительно, музеи нуждаются и в нормальном уставе, и в поддержке не только материальной, но умственной и нравственной, нуждаются в руководительстве* компетентной ученой коллегии. Необходимо выяснить значение этих учреждений перед лицом закона.

** Так в тексте,
правильно – руководство.*

Теперь уже пора издавать ежегодники музеев по примеру Франции. Наши сибирские музеи печатают свои отчеты и рассылают их охотно (за исключением Ачинского и Красноярского музея), но это отдельные отчеты! Необходимы общие выводы, сравнения, необходимо печатать запросы музеев, соображения их о своих нуждах. Необходимы также сведения о частных коллекциях. Многие ученые для своих специальных работ нуждаются в коллекциях, которых сами собрать не могут. Нам не случилось читать ни объявлений, ни запросов от таких ученых в общераспространенных или даже специальных изданиях. Такие объявления в ежегодниках были бы уместны: один, например, может, пожелал бы приобрести коллекцию сибирских водорослей, другой нуждается, для пополнения своих обширных работ, в собрании сибирских злаков, сведениях о цвете глаз, волос и т. д. Это связало бы ближе провинцию с крупными учеными центрами.

В заключение я обращаюсь к рассмотрению частного, близкого нам вопроса, который задавали мне здесь не раз. Какое значение будет иметь открытие местного музея в Троицкосавске или Кяхте? Я бы мог ответить на него просто: где есть люди, где есть человеческая любознательность, где есть потребность в изучении окружающего, там принесет и свою пользу местный музей, но относительно Кяхты, мне кажется, возможны и особые соображения, и особые задачи для музея.

Сто семьдесят лет тому назад образовалась на границе Монголии маленькая русская колония, одна из таких, каких немало рассеяно по русской границе. Положение этой колонии было настолько трудным ввиду дикости соседнего населения, что оно выбрало себе местечко для

местожительства на речке, текущей из русских пределов. Было основание опасаться, что «добрые» соседи отравят, испортят или отведут воду. Маленькая деревенька эта становится мало-помалу заметным пунктом, не по численности населения, а по своему громадному торговому значению. Скоро эта слобода делается отправным пунктом русской торговли с Китаем, она пролагает пути в застенный Китай*, создает русское торговое дело в срединной империи**. До завоевания Средней Азии, до открытия Суэцкого канала и морского пути в Одессу эта слобода сосредоточивала в себе почти всю русско-азиатскую торговлю. Маленький уголок на китайской границе приводил в движение капиталы на берегу Москвы-реки и на берегах Янце-кианга***. Все это создано было умением, энергией и настойчивостью небольшой кучки людей, отцов и дедов со-

* *Застенным Китаем назывались территории, заселенные ханьскими китайцами во времена правления династии Цинь (XVI–XVII вв.).*

** *Срединная, или Поднебесная, империя – самоназвание Китая, использовавшееся с древности.*

*** *Р. Янцзы.*

временного поколения. Какими бы путями ни пошла наша торговля с Азией в будущем, за Кяхтой навсегда останется заслуга создания русско-китайской торговли, открытие рынка для русских товаров в Китае и произведений Китая для России. Исполнением этой задачи никоим образом не может, не должна ограничиться роль Кяхты. Путем долгого знакомства с Китаем, путем общения с ним Кяхта приобрела глубоко практическое, так сказать, личное знакомство с Китаем, у Кяхты громадные ценные связи внутри Китая. Вспомним, какой интерес возбудили в научной литературе простые дневники торговых приказчиков, изданные нашим отделом на средства фирмы г[оспод] Коквина и Басова. Понятное дело, что эти сведения – малая часть того, чем обладает, что может дать Кяхта. Китай – нам близкий сосед, сосед богатый. Во имя пользы государства, во имя интересов русской промышленности и русской науки мы должны изучать и изучать Китай и Монголию. И теперь уже конкурирующие с нами на торговом поприще иностранцы доказывают нам, что они глубоко знают Китай, его нравы, производительные силы.

Нам нельзя отставать от иностранцев, всякий, кто может помочь в этом деле, обязан оказать свою долю содействия.

Какое же содействие могут оказать Кяхта и Троицкосавск? Здесь люди практики, не кабинетные работники, как они могут участвовать личными трудами в деле изучения Китая? Ответ мой будет короток – созданием местного и монгольско-китайского музея. При своем громадном практическом знании Китая, при крепких, близких связях с ним Кяхта может, при добром желании, создать единственный в своем роде кяхтинско-монгольский музей. Ученый путешественник, хоть и хорошо знающий эти страны, с трудом, случайно добудет и узнает то, что для Кяхты дастся без труда.

Произведение китайской промышленности, оригинальная внутренняя жизнь этой страны, памятники ее искусств, странные и удивляющие всех религиозные верования; своеобразные обычаи, своеобразная литература – вот громадное поле для деятельности Кяхты и кяхтинцев. Конечно, такой музей уже нечто большее, нежели местный музей; но в Кяхте так благоприятно сложились внешние обстоятельства для образования такого музея, как нигде. В центрах умственной жизни, русской или заграничной, нет одного из главных условий для полноты такого музея, нет возможности следить непрерывно за жизнью Китая или Монголии. В Европе поняли это, как ни богаты луврские древнеегипетские коллекции – все-таки нашли нужным основывать музеи в самом Египте (Булакский музей).

Оказав громадную услугу русской торговле в прошлом, Кяхта, основав музей, окажет ее и далекому будущему, ее практическое знание Китая не пропадет бесследно, а послужит на пользу грядущим поколениям, русской жизни и русской науке. По ее музею как по живой книге, будут знакомиться с Китаем и Монголией русские люди, и в потомстве будет обеспечена благодарная память его основателям.

Публикуется по: *Клеменц Д. Местные музеи и их значение в провинциальной жизни (публичная лекция, читанная в Кяхте 8 октября 1892 г.) // Сибирский сборник: приложение к «Восточному обозрению». Иркутск, 1893. Вып. 2. С. 1–35.*

* Сост. по: Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Новосибирск, 2009. Т. 2–3.

КОММЕНТАРИИ*

¹ Петр Иванович Макушин (1844–1926), учился в Петербургской духовной академии, сотрудничал в Алтайской духовной миссии; с 1868 г. жил и работал в Томске, организовал первый в Сибири книжный магазин, издавал и редактировал «Сибирскую газету», позже – «Сибирскую жизнь». Много жертвовал на нужды культуры и образования, участвовал в создании Педагогического музея, в организации и проведении выставок. Просветительная деятельность Макушина была отмечена присвоением ему звания почетного гражданина г. Томска (1910), почетного гражданина Сибири (1919).

² Степан Кирович Кузнецов (1854–1913), выпускник Императорского Казанского университета, в 1885 г. приехал в Томск, занимался организацией библиотеки Императорского Томского университета, руководил ею более четверти века; проводил археологические раскопки, материалы которых передавал в Археологический музей Томского университета.

³ Иннокентий Михайлович Сибиряков (1860–1901), иркутский купец 1-й гильдии, золотопромышленник, финансировал научные исследования Северной и Центральной Азии, поддерживал создание и деятельность сибирских музеев.

⁴ Дмитрий Семенович Каргополов (1858–1922), окончил Красноярскую учительскую семинарию, преподавал в Ачинске, где организовал с помощью И.М. Сибирякова городской музей. Позже участвовал в создании Канского музея.

⁵ Александр Игнатьевич Кытманов (1858–1910), выходец из семьи енисейских золотопромышленников, окончил Санкт-Петербургский университет, избирался в Енисейскую городскую думу; инициировал создание Енисейского городского музея и более 20 лет безвозмездно заведовал им.